

Роман Антропов

Тайна Сухаревой башни

Роман Лукич Антропов

Тайна Сухаревой башни

(Гений русского сыска И. Д. Путилин #3)

«Кто не знает о существовании в Москве Белокаменной знаменитой Сухаревой башни? Башня эта – историческая, имя ее хорошо известно всей необъятной России, поэтому нет надобности рассказывать историю ее происхождения. Москва любит свою серую старушку Сухаревку. Есть что-то бесконечно трогательное в привязанности к памятникам седой старины. К камню, железу относятся точно к одушевленным предметам. Да и в самом деле, разве в этих памятниках старины не сокрыта душа народа?..»

Содержание

Глава I. Сухарева башня. Страшный призрак	0005
Глава II. Обращение к Путилину в Москве	0015
Глава III. Приют мышей и сов. Путилин карабкается по стене!	0021
Глава IV. В Московском сыскном	0027
Глава V. Царство живых мертвецов	0032
Глава VI. В поисках телесной оболочки призрака	0039
Глава VII. Последний ужас москвичей. Легенда. Борьба на крыше башни	0046

Роман Лукич Антропов Тайна Сухаревой башни

Глава I. Сухарева башня. Страшный призрак

Кто не знает о существовании в Москве Белокаменной знаменитой Сухаревой башни? Башня эта – историческая, имя ее хорошо известно всей необъятной России, поэтому нет надобности рассказывать историю ее происхождения. Москва любит свою серую старушку Сухаревку. Есть что-то бесконечно трогательное в привязанности к памятникам седой старины. К камню, железу относятся точно к одушевленным предметам. Да и в самом деле, разве в этих памятниках старины не сокрыта душа народа?

К любимым московским именам: «Колокольня Ивана Великого», «царь-колокол», «царь-пушка», «Василий Блаженный» и массе иных относится и имя Сухаревой башни. Стоит она в бойком месте торговой Москвы.

Прямо в нее упирается узкая Сретенка, вся наполненная лавками и магазинами; дальше – через ворота – проход, и попадаете на Мещанскую, направо – площадь, названная

именем башни – Сухаревой, налево идет под гору Садовая улица, в этой своей части величаемая тоже Сухаревой-Садовой. С давних пор и поднесь на Сухаревой площади происходит по воскресным дням, а равно и перед большими праздниками знаменитый торг, популярная «сухаревка». Торг происходит в палатках, а то и без них, прямо под открытым небом.

Море черных голов, цилиндров и разных картузов, шляп и всевозможных платков закруживается Сухареву площадь. Бывает так тесно, что нельзя шагу ступить. Торгуют тут всем, буквально всем: начиная от ржавых гвоздей и кончая бриллиантами. Со всех концов съезжаются москвичи на свой любимый торг-развал. Бок о бок с чуйкой[1] вы встретите здесь и важного барина, богача, любителя-коллекционера, выскивающего среди разного хлама «антики» и «уникумы». Море нестройных звуков висит над Сухаревкой. Резкие зазывания торговцев:

- К нам пожалуйте, к нам!
- А вот самый лучший товар!
- Купец хороший... ваше степенство!
- Разрази Господи, не могу дешевле!..

К ним примешиваются звуки пробуемых музыкальных инструментов: гармоний, гитар и даже удивительного гобоя. Так шумно, что барабанные перепонки готовы лопнуть... Шумно, людно, но и весело. У всех довольные, смеющиеся лица. Остроты, шутки, прибаутки наполняют воздух.

– Эй, тетка, смотри, смотри: потеряла! «Тетка» испуганно схватывается.

– Што, што потеряла?

– Смотри, без юбки идешь, юбку обронила!

– Тьфу! Тьфу, охальники! – вспыхивает «тетка»-молодуха. Своеобразным укладом московской жизни веет от этого торжища. И над всей этой толпой возвышается серая громада высокой Сухаревой башни. Она ревниво охраняет свое царство. По поверью, весьма расхожему в Москве, Сухарева башня ведает какой-то таинственной силой. Это поверье весьма схоже с венецианским.

Жители великолепной Венеции, царицы морей, твердо верили, что до тех пор, пока не рухнет башня св. Марка, нации не грозит никакая беда. Жители Москвы так же глядели на Сухареву башню.

– Цела голубушка?

– Цела. Стоит.

– Ну, значит, все хорошо.

И вдруг случилось нечто странное, непостижимое. Одновременно в разных местах Москвы родились и стали расти необыкновенные слухи.

– Слышали? – Что?

– Да о Сухаревой башне?

Голоса вопрошавших понижались, делались испуганно-таинственными.

Что же именно о башне я мог слышать? Историю таинственную... страшную... зловеющую. Любопытство, острое, мучительное, брало верх перед страхом.

– Да не томите, объясните толком!

– В башне Сухаревой видели привидение! Чувствуете, привидение...

– Кто видел?

– Какое привидение?

– Когда видели?

Вопросы так и сыпались на тех, кто приносил страшную новость.

– Кто видел? Многие-с. Какое привидение? Чудно-дииковинное.

– А именно?

– Вроде как бы императора Петра Великого.

– Да что вы? Да неужели?

– А ей-Богу!

– Где же, где видели-то?

– На крыше Сухаревой, у ее маленькой башенки. Стоит это... высокий человек в петровском капитанском камзоле-мундире. Волосы – длинные; на голове – тогдашняя треуголка; через плечо – портупья; сбоку на ней висит шпага; чулки; туфли.

– Ну?!

– Постоял, постоял страшный призрак, постоял, поглядел на Москву, а потом скрылся.

Эффект рассказа бывал не одинаков. Одни бледнели и начинали трястись.

– Не к добру это видение!

– Истинно так: быть беде какой...

Другие – их было меньшинство – скептики, не признающие никаких «дьявольщин», «чертовщины», ухмылялись:

– Басни!

– Да помилуйте...

– Подите вы с этими сказками! Ха-ха-ха,

Петр Великий на крыше Сухаревой башни!

– Но ведь видели...

– Кто? Выжившая из ума старуха или какие обыватели? Так ведь! Как вам известно, они договорятся и не до таких еще видений, а до зеленого или белого слона.

– Не верите – как хотите. А только правда это истинная... Как бы то ни было, слухи все усиливались и усиливались, захватывая все больший и больший район Первопрестольной столицы. Эти слухи достигли и ушей власть имущих.

– Что за история? – удивленно развели они руками.

– Да пустяки все. Наша богоспасаемая Москва ведь суеверна и сумасбродна до поразительности. Ей все кометы да многие иные чудеса снятся. Старина-матушка.

...Однако червь сомнения сосал их душу.

– А что, если да и на самом деле? И решили проверить.

Была дивная лунная августовская ночь. Серп месяца заливал ярко-белым светом Первопрестольную красавицу Москву. Она спала. Если и теперь еще, в наше чудодейственное

сверхвремя, уличная жизнь ее замирает довольно рано, то тогда Москва ложилась спать едва ли не с курами наравне. Тихи, безлюдны улицы... Белые, серебристые. К Сухаревой башне подходит группа людей.

Она, эта группа, состояла из начальника Московского сыскного отделения, того самого, которому знаменитый Путилин «утер нос» в деле ограбления ризы высокочтимой иконы Иверской Божией матери, и нескольких лиц наружной полиции. – Ну что, полковник, трусите?

Полковник насмешливо поглядел на московского Горона[2].

– Я-с, извините, не в таких переделках бывал, да не трусил, а тут чепуха какая-то...

– Кто знает?.. – задумчиво произнес другой чин полиции, пристав Д. – На свете возможны всякие чудеса.

– Вы верите и возможность появления привидений.

– Верю. Не угодно ли, какие поразительные вещи проделывает знаменитый Юм, спирит, медиум-чародей в Петербурге на сеансах у графа Кушелева-Безбородко[3]...

– Вздор!

Но это «вздор» звучало теперь несколько тревожно.

Вот и она, историческая Сухарева башня. Под потоком мертвенно-бледного лунного света она кажется огромно-высоким, белым памятником. Нет мрачности, нет грязного темно-серого цвета.

Шеф сыскной полиции остановился и зорко огляделся по сторонам.

– Видите эти фигуры?

– Да.

– Это, очевидно, любопытные обыватели. Смотрите, что наделала стоустая молва о появлении таинственного привидения: москвичи побросали свои постели.

– Идти дальше?

– Нет. Остановимся за выступом этого дома. Отсюда нам будет отлично все видно, если... если будет что смотреть.

Группа властей разместилась, не отводя взоров от башни. Время тянулось странно медленно.

Острота ожидания усиливалась нетерпением, подкрепленным чувством жуткости,

робости.

– Конечно, ничего не будет. Я так и знал, что все это – бабьи рассказы, выдумки, – в голосе полковника слышалось раздражение. – Ей-Богу, господа, спать чертовски хочется!.. Не лучше ли по домам?

Но не успел он этого сказать, как услышал сдавленный крик, вырвавшийся одновременно из груди всех его спутников.

– Ах! Что это? Смотрите...

Взглянул полковник на башню, и холодный, леденящий озноб пронизал его.

На крыше, у одной из башенок, стояла высокая фигура страшного загадочного призрака. Фигура была залита лунным светом и вследствие какого-то оптического фокуса приняла грандиозные размеры. «Видение» продолжалось с минуту, а может быть, и более. В том состоянии ужаса, которое цепко охватило всех, определить точно время было трудно...

Первым пришел в себя начальник сыскного отделения.

– Видели?

– Да... Да... – слышались испуганные го-

лоса. – Это... это поразительно...

Мимо них пробежало несколько поджидавших любопытных с перекошенными от ужаса лицами. Они промчались так быстро, словно за ними гналась нечистая сила.

Глава II. Обращение к Путилину в Москве

Это время было особенно тяжелым для моего гениального друга. Обилие очень сложных дел разрывало его на части.

И вот в один из вечеров начала сентября, когда я сидел у него, ему подали депешу.

– Ого, какая длинная! И какой важный шифр...

– Откуда?

– Из Москвы.

Путилин стал быстро расшифровывать телеграмму. По мере того, как он читал, лицо его становилось все более и более удивлённым.

– Помилуй Бог, какие чудеса стали твориться в Белокаменной! Текст длиннейшей депешы подходил к концу.

– Ну и история-Тревога в голосе моего друга не звучала.

Я сгорал от любопытства, зная, что с пустяками к нему не обратятся.

– Терзаешься, доктор? – улыбнулся он.

– Что уж тут говорить, И. Д....

– Ну, слушай.

Я весь обратился в слух.

– «Глубокоуважаемый и высокочтимый Иван Дмитриевич! – читал он „с листа“ шифрованную телеграмму. – Получилось нечто выходящее из ряда вон по своей загадочности и странности: в Москве появился какой-то призрак...»

Далее шло подробное описание случившегося, вплоть до сцены появления зловещей фигуры на Сухаревой башне.

«Москва начинает не на шутку волноваться. Появляются признаки паники. Сознывая себя побежденным в этом деле, уповаю на ваш блистательный талант, чудесный гений. Если можно вообще разобраться в этой загадочной истории, распутать всю эту абракадабру, то нет сомнения, что единственно вы можете совершить этот подвиг».

Я не мог прийти в себя от изумления.

– Недурно, доктор?

– Это Бог знает, что такое, И. Д.! Да неужели во всей этой истории есть хоть доля правды?

Путилин усмехнулся.

– Отчего бы и не так? Ты ведь сам частенько толковал мне с жаром о материализованных духах.

Он потер руки и добавил:

– Гм... После чисто реальных дел мы опять с тобой вступаем в область мистики, хиромантии, магии, словом, в оккультное царство. Но нет, какова штучка московский коллега!

– Какая штучка? – Да хитрость его.

– В чем хитрость?

– Ты не догадываешься?

– Нет.

– Ах, доктор, ты поразительно недалёковиден. Ты знаешь В.?

– Знаю.

– Ты помнишь, как он бесился, когда я раскрыл «иверское дело»?

– Как не помнить...

– Ну, так вот: теперь он хочет дать мне реванш и посрамить «непобедимого» Путилина. Его обращение ко мне есть обращение саддукея и фарисея[4]: авось не разрешит, дескать, вопроса. В случае, если мне не удастся распутать эту загадочную историю, он будет иметь

возможность только ликовать: «Видите, и на Путилина бывает проруха».

Гениальный и благороднейший сыщик тихо рассмеялся.

– Так отчего же тебе не отклонить приглашения? Ты ведь не обязан помогать своему московскому коллеге...

Помню, каким огнем загорелись его глаза и с каким удивлением посмотрел он на меня!

– Спасибо за совет. Он странен из твоих уст. Тебе, кажется, пора бы было знать, что я всегда принимаю интересный вызов.

Не в моих правилах отступить пред какой бы то ни было опасностью. Он сел за свой знаменитый письменный стол и написал шифрованный ответ:

«Советую поторопиться поимкой „Петра Великого“ или самозванца, иначе поймаю я. Выезжаю. Путилин».

На московском вокзале нас встретил В.

– Ну, пойман? – были первые слова Путилина. В-аго передернуло.

– Смеяться изволите, дорогой Иван Дмитриевич, а мне-с не до смеху.

– Заели небось высшие? «Подайте, дескать, нам страшного призрака в 24 часа, на то вы начальник сыскной полиции». Знакомая штука! Утешьтесь, коллега, меня шпыняют таким манером не хуже вашего.

Мы сели в коляску. Был поздний вечерний час. Погода стояла отвратительная. Дул порывистый холодный ветер, пахнувший осенью-смертью. Моросил мелкий противный дождь. Сквозь эту сетку мрака и дождя тускло светились унылым красновато-желтым светом керосиновые лампы уличных фонарей. Их колеблющееся пламя, робко мигая, наводило тоску.

– Через Сухаревку! – отдал приказ кучеру Путилин. Он молчал, зябко поводя плечами.

Вот и она, виновница волнения Москвы, Сухарева башня. В этой мгле противного осеннего вечера почти не освещенная уличными фонарями она казалась какой-то необычайно странной, неуклюжей громадой.

– Бр... – услышал я восклицание московского шефа сыскной полиции.

– Вам холодно? – насмешливо спросил его Путилин. – Или... неприятное воспоминание?

– И то, и другое вместе, ваше превосходительство... – ответил тот.

Путилин, когда мы поравнялись с башней, быстро выхватил свой потайной фонарь и направил сильный свет рефлектора на ту башенку, около которой появился загадочный призрак.

– Эта башенка?

– Да, эта, Иван Дмитриевич...

– Скажите, когда вы увидели привидение на крыше башни, как вы поступили?

Разговор происходил в номере гостиницы «Лоскутной», самой лучшей в Москве.

– Я решил немедленно исследовать внутреннее помещение башни.

– И?

– И ничего, буквально ничего не обнаружил.

Глава III. Приют мышей и сов. Путилин карабкается по стене!

На следующее утро Путилин сделал несколько визитов. Его приезду страшно обрадовались.

– Сделайте милость, почтеннейший Иван Дмитриевич, распутайте это диковинное дело! Освободите Первопрестольную от страшного призрака!

– Постараюсь... – улыбался великий сыщик.

– А как вы полагаете: трудно это?

– Попробуйте! – отшучивался он.

Он заехал за мной вместе с В., и мы втроем отправились в неведомое для меня путешествие.

– Можно узнать, куда мы едем?

– Отчего же нет, доктор! Мы будем осматривать Сухареву башню. Надо же мне взглянуть, что такое там творится.

... С чувством жгучего любопытства подошел я к дверям башни, ведущим в ее таин-

ственное «нутро».

– Где только не приходится мне бывать с тобой, И. Д.! – сказал я Путилину.

– Раскаиваешься или нет? – улыбнулся он. – Ну-с, позвольте мне ключ!

Он взял огромный ключ и, прежде чем сунуть его в замок, внимательно и удивленно-пристально стал разглядывать последний. Мне показалось, что Путилин даже соскоблил что-то с замка.

С тихим протяжным визгом-стоном раскрылась старая железная дверь. Этот противный визг долго стоял у меня в ушах, отдаваясь тревожно-тоскливо в сердце.

– Ну, пожалуйста, господа! – с дрожью в голосе произнес В. и пошел вперед.

Путилин спокойно захлопнул дверь.

Путилин зажег свой знаменитый потайной фонарь. Это было необходимо, ибо здесь царила почти могильная тьма. Запах страшной сырости, плесени, какого-то тлена, точно в склепе, стоял в воздухе.

Мы стали подниматься по узкой-узкой каменной лестнице. Несколько раз я спотыкался, а раз чуть не упал – из-под ноги вырвался

обрушившийся кирпич.

– Какая ветхость!.. – пробормотал Путилин. Скоро наше восхождение окончилось.

Лишь только мы собрались войти в какое-то темное помещение, напоминающее комнату-конуру со сводчатым потолком, как оттуда вылетело что-то большое, черное, чем-то махающее.

– У-у, ха-ха-ха! – прокатился над нашими головами крик-хохот.

Это было до такой степени неожиданно и страшно, что у меня кровь застыла в жилах, а московский коллега Путилина отшатнулся, едва не упав в пропасть лестницы, и громко вскрикнул.

Один только Путилин, этот человек поразительного хладнокровия, остался невозмутимым.

– Не бойтесь, господа: это еще не наш призрак, это почтенные совы. Они устроились здесь премило.

Действительно, лишь только мы вошли в башенную комнату, целая масса крыльев захлопала над нашими головами. К этому неприятному шуму примешивался еще

огромный писк и визг стаи крыс, пробежавших мимо наших ног.

– Вот это будет поопаснее и сов и, пожалуй, самого призрака. Эти грызуны могут разорвать здесь всякого так же, как разорвали они епископа Гадона. Черт возьми, призрак – существо, безусловно, храброе!

Путилин погасил фонарь.

Сквозь оконца башенки врывался тусклый свет.

– Ну-с, приступим к осмотру.

Каменная комната-склеп была абсолютно пуста.

– Что же тут осматривать, Иван Дмитриевич? – слегка насмешливо и удивленно спросил своего знаменитого собрата В.

– Вы думаете: ничего?

В. пожал плечами. Признаюсь, и я разделял его недоумение.

Путилин принялся внимательно осматривать пол и стены. Он вынюхивал, выстукивал каждый камень, каждый кирпич. По своему обыкновению, он что-то тихо бормотал сам про себя.

Зная, что мой гениальный друг никогда

ничего не делает зря, без цели, я с любопытством следил за его работой.

– Нет... так... так... гм... тут ли...

Прошло часа полтора, а он все еще не окончил своего странного осмотра. Особенно долго возился он над стеной, на которой довольно высоко виднелось окно.

– Сейчас полезу на крышу! – возбужденно проговорил он.

– Но как же вы отсюда попадете, Иван Дмитриевич?

– А вы не пробовали, коллега?

– Нет.

– А почему я не могу туда попасть?

– Да потому что единственный способ попасть на крышу – через окно. А оно высоко, вы его не достанете. Конечно, можно бы... это остроумное разрешение вопроса, но... но нельзя ли обойтись без этого?..

– Посмотрим, посмотрим...

И вскоре случилось нечто, от чего мы оба: я и В. раскрыли рот.

Путилин карабкался по стене!

Правда, «лезть» пришлось немного, так как окно было расположено не очень высоко,

но все же он сделал два перехода по стене.

Концы носков Путилина вошли в какое-то углубление, он ухватился руками за железный стержень, торчащий вершков на пять, приподнялся и попал во второе углубление.

Еще старание – и он достиг окна!

– Bravo! – искренно вырвалось восклицание восторга у завистливого В. – Поистине вы чародей, Иван Дмитриевич! Путилин рассмеялся.

– Благодарю вас, коллега! Но должен сознаться, позиция чертовски неудобная.

Он, так сказать, прилипнув к стене, держась одной рукой за железный болт оконной рамы, другой рукой ощупывал окно.

– Ага! Так я и знал!

– Что такое? – встрепенулся В.

Гениальный сыщик ничего не ответил, а ловко спустился вниз.

– Фу-у! – вырвался у него вздох облегчения. – Однако, коллега, вы заставили меня на старости лет обратиться в акробаты.

– Я ничего не понимаю... – смутился тот.

– Ничего, потом поймете. А пока мне надо бы проехать к вам.

Глава IV. В Московском СЫСКНОМ

Всю дорогу до сыскного Путилин молчал. По его лицу я ясно видел, что он упорно-сосредоточенно выводит свою знаменитую «кривую».

На некоторые вопросы он отвечал невпопад, а некоторыми сам приводил в недоумение своего коллегу.

Так, он вдруг неожиданно спросил В.:

– Вам приходилось когда-нибудь бывать в сумасшедшем доме? В. даже побледнел.

– То есть, как это?

– Ну, конечно, по Дела́м службы?

– Нет, не бывал.

– А-а... – равнодушно ответил Путилин.

После В. рассказал мне, что он не на шутку подумал, будто гениальный сыщик – вследствие мозгового переутомления – сам спятил с ума. «Вдруг – ни с того ни с сего бац, бац! – и в сумасшедшем доме!»

В служебном кабинете В. Путилин обратился к коллеге:

– У вас, конечно, есть список заявлений об исчезновении лиц-обывателей?

– Конечно, конечно, имеется.

– Так вот, нельзя ли мне его... За последнее время, недельки за две, что ли.

Московские гороны и подгороны заволновались, засуетились.

– Путилин приехал!

– Вот опять утрет нос нашему В-у!

– Ну, положим, дело это загадочнее двух его первых гастролей. Тут не только он, а самый лучший ногу сломает...

Как и у всякого начальника, у В-аго были и свои клеветы, обожающие его, и такие, которые по многим причинам недолюбливали, ненавидели его. Первые и вторые одинаково ликовали: первые потому, что надеялись на посрамление «гения» Путилина, а вторые потому, что были убеждены в новой блистательной победе знаменитого гастролера.

В. подал список своему врагу-собрату.

– Вот, не угодно ли...

Путилин углубился в просмотр его.

«Мещанин 33 лет Петр Онуфриев. Из дому... по заявлению жены... в ночь на

25 августа... Ремесло – столяр... Крестьянин Роман Логинов, 27 лет... чернорабочий...» Длиннен синодик пропавших, неизвестно куда скрывшихся. Путилин читает вполголоса, бормочет. Около него – карандаш и записная книжка. Ни разу ни до того, ни до другого не дотрагивается рука гениального сыщика.

Какая-то злая, торжествующая улыбка кривит губы В-аго. Глаза иронически смеются.

Опасение за благополучный исход принятого на себя расследования моим другом заползает в мою душу.

«О, как тогда они будут ликовать! – проносится у меня в голове. – Прав был Путилин, когда говорил мне, что его коллега готовит ему ловушку. Дело чертовски темно!»

– Вы думаете что-нибудь почерпнуть здесь? Путилин не отвечает.

Вдруг я заметил, что он быстро заносит что-то в записную книжку.

– Виноват, что вы спрашивали, коллега? Ровно, спокойно звучит голос его.

– Я спрашиваю, глубокоуважаемый Иван Дмитриевич, полагаете ли вы почерпнуть

что-либо полезное из этого списка.

Путилин пристально, в упор поглядел на своего завистливого соперника.

– Я все это штудировал, но...

– Но?

– Но не уловил ключа. – Путилин странно усмехнулся. – Странно, что вы противоречите самому себе. Если вы до меня интересовались просмотром списка, вы не удивились бы так искренно, когда я попросил его у вас. По-моему, такое совпадение – немного запоздалое.

Орлиный взор Путилина насмешливо уставился на В.

Тот побагровел.

Путилин встал и холодно бросил коллеге:

– Я не смею больше злоупотреблять вашей любезностью и вашим временем. Оно вам необходимо на текущие неотложные дела.

– Что вы, ваше превосходительство, помилуйте! Располагайте мною...

– Нет, пожалуй, не надо. Я иногда умею действовать только один, без помощников.

И, сухо простившись, Путилин вышел из кабинета. Когда мы отъехали несколько шагов от здания сысского отделения, Путилин

бросил кучеру:

– В Сокольники, в сумасшедший дом!

Глава V. Царство живых мертвецов

Какое жуткое, щемящее чувство охватило нас, когда мы подъехали к унылому, мрачному сумасшедшему дому!

Этот огромный дом был действительно желтый дом.

Чтобы достигнуть ворот, надо было пройти мимо сада, в котором душевнобольные совершали ежедневные прогулки.

Путилин, не боявшийся ничего: ни револьверных пуль, ни бешеных порывов самых закоренелых злодеев, стоящий всегда лицом к лицу к опасностям, испытывал непреодолимый ужас при виде сумасшедших.

Так было и теперь.

При виде нас несчастные живые мертвецы, для которых погас свет разума и мира, устремились к решетке сада, мимо которого мы проходили.

– Король идет! Здравствуйте, ваша светлость!

– Спасите меня! Меня мучают четвертым

измерением пятого серпа луны!

– Черт, черт! Тьфу! Тьфу!

Визжат, плюются, хохочут, плачут, протягивают руки то с мольбой, то с угрозами, то с проклятиями. Путилин был бледен как полотно.

– Какой ужас! Какой ужас...

Навстречу нам шел сторож-привратник в мундире с синим воротником.

– Что угодно, господа?

– Видеть директора и старшего врача, голубчик. Держи монету и немедленно беги с карточкой.

Тот, получив мзду и увидев из карточки, что имеет дело с генералом, бросился сломя голову. Моя карточка – доктора – ему мало что говорила.

– Пожалуйте, ваше превосходительство.

... Через несколько минут мы были в кабинете директора и старшего врача московского «желтого» дома.

– Весьма польщен. Прошу покорно... Чем могу служить? Умные, усталые глаза пытливо глядят на нас.

– Вы знаете, профессор, кто я?

– Знаю, господин Путилин. Вы тот, который творит чудеса в области сыска.

– Спасибо на добром слове. А это – мой верный доктор. Я приехал... Впрочем, скажите: вы слышали о фантастическом привидении, пугающем Москву?

– На Сухаревой башне? – Да.

– Слышал. Хотя я живу в особом царстве, весь уйдя в мои печальные обязанности помогать несчастным страдальцам, но я не совсем отрешен и от иного мира. Слухи о каком-то привидении достигли и меня.

– Я приехал раскрыть это дело. Скажите: у вас исчез душевнобольной Николай Петрович Яновский?

– Да.

– Он – отставной офицер, не так ли?

– Да. А вы откуда все это знаете, ваше превосходительство? Директор-профессор с любопытством поглядел на Путилина.

– Это все равно. Впрочем, вы ведь заявили об этом сыскному отделению. Теперь мне гораздо важнее и интереснее узнать от вас характер заболевания вашего бежавшего пациента. Будьте добры, профессор, дать мне точ-

ные сведения, какой формой помешательства страдал Яновский.

– Тихий, безнадежный хроник... *Mania grandiosa*, мания величия... отчасти и *mania persecutions*, мания преследования. Да вот *curriculum morbi sui* – история его болезни.

Старший врач и директор страшного «желтого» дома достал толстую тетрадь, испещренную знакомыми пометками, и углубился в нее.

– Доставлен год тому назад теткой. Женат. Жена бросила его, бежала... Сначала был помещен в III отделение как страдающий припадками буйного умопомешательства. Потом улучшение, довольно редкий поворот к улучшению. Надежда на выздоровление. Перевод во II отделение и... переход к неизлечимости.

Директор долго еще продолжал знакомить Путилина с описанием болезни несчастного офицера.

Я не привожу здесь в подробностях всех медицинских определений, так как это неинтересно.

– Вы, профессор, конечно, обращали внимание на особенности проявлений той или

иной мании бежавшего Яновского?

– Разумеется.

– Вы помните их?

– Помню. У нас, психиатров, хорошая память.

– Сколько я знаю, – продолжал свой допрос Путилин, – почти все сумасшедшие имеют свою исходную, отправную точку помешательства. Так?

– Так.

– Они проявляют хоть в чем-нибудь свою страсть, свою склонность к тому, о чем порой здоровые мечтали?

– Совершенно верно.

– Так вот, не замечали ли вы в Яновском особой привязанности к чему-либо? Мне это очень важно знать.

Не только я, но и профессор-психиатр с удивлением и искренним восхищением глядели на знаменитого сыщика.

Откуда у него такая красота острого анализа, острого мышления в предмете, для него, очевидно, совершенно чуждом?

– Извольте видеть... – начал директор «желтого» дома. – Яновский, по-видимому,

очень сильно увлекался...

– Легендарной историей? – быстро спросил Путилин. Психиатр откинулся на спинку кресла.

– Вы... вы и это знаете?

– Я вывожу свою кривую. Простите, профессор, этого вы, впрочем, не знаете.

– Однако слава о вас идет недаром. Вы – прозорливый, господин Путилин. Ну-с, совершенно верно. Яновский страшно любил рассказывать о легендах. Так, однажды он меня спросил: «Верите ли вы, профессор, в заповедную тайну Жигулевских гор, тех Жигулей, где пировал Стенька Разин со своими удалыми молодцами?» Я ответил то, что подсказывала мне моя наука, мой опыт, мой метод.

– А еще, случайно вам не приходилось слышать от него каких-нибудь легенд?

– Нет, не упомню.

Путилин встал и протянул директору какой-то крошечный лоскуток.

– Идя к вам, я, преодолевая сильнейший страх, какой питаю к помешанным, внимательно вглядывался в халаты ваших больных. Скажите, профессор, такая материя идет у вас

на халаты?

Директор всмотрелся в крошечный лоскуток и уверенно ответил:

– Да. Именно такая.

– Ну, вот и все. Простите, что побеспокоил вас. У вас ведь и так дела много.

Известный психиатр с чувством пожал руку Путилину.

– Я счастлив был познакомиться с таким замечательным человеком, как вы, господин Путилин. Прошу верить, ваше превосходительство, что сегодняшней день останется надолго у меня в памяти.

Путилин стал расспрашивать профессора о наружности Яновского.

Мы вышли из страшного дома.

До нас долетали безумный хохот, стоны, вой, взвизгивания, проклятия.

Глава VI. В поисках телесной оболочки призрака

На обратном пути от сумасшедшего дома Путилин задумчиво сидел в коляске.

– Ты, кажется, можешь быть доволен, Ив. Дм.?

– Почему?

– Сколько я понял, ты попал на след.

– Этого, увы, еще мало, доктор. Мало напасть, надо найти. И потом, для меня неясна одна деталь. Однако попытаемся.

В номере «Лоскутной» нас ожидал В.

– Я заехал узнать, Иван Дмитриевич, не потребуются ли вам мои агенты.

– Спасибо, но в настоящую минуту они мне не нужны. Мне придется воспользоваться их услугами, но несколько позже.

– Вы что-нибудь узнали?

– Ничего.

В. недоверчиво поглядел на Путилина. Разговор перешел на другие темы.

– Скажите, коллега, какие у вас есть в Москве костюмерные заведения-мастер-

ские? – вдруг неожиданно спросил Путилин. – Я, как петербуржец, этого не могу знать...

В., польщенный тем, что Путилин обратился к его, В., помощи, оживился.

– Костюмерная мастерская Пинягина, такая же мастерская Лашеева. Есть еще несколько.

– Это крупнейшие?

– Да.

– Где находится мастерская Пинягина?

– Большая Дмитровка, здание Дворянского собрания.

– А Лашеева?

– Газетный переулок...

– Так, так... Вы ожидайте меня, коллега, под вечер. Может быть, вместе будем работать.

... Зеркальные окна. Вход между колонн – и сразу помещение, производящее впечатление, чрезвычайно любопытное.

Всюду – всевозможнейшие костюмы, сверкающие золотом, серебром. Вот стоит римский воин: блестящие латы, горделивый шлем, короткие штаны, широкий меч и круглый щит. Все это надето на манекен. Пред ва-

ми воссоздается картина железного непобедимого воина античного великого Рима. Рядом с «центурионом»-легионером – изящная, изнеженная фигура французского маркиза времен великолепных Людовиков... Там, дальше, – испанские гранды, венецианские дожи, русские бояре, гугеноты, монахи, пейзажи[5] и герцогские мантии. Какая поразительная смесь лиц, эпох, народов! Каски, шлемы, плащи, береты, треуголки, колпаки, кокошники, короны и кики[6], ленты и звезды. Вот вам вся история чуть не с сотворения мира! История наглядная, в море красок одежд. Это знаменитая костюмерная Пинягина.

Когда Путилин вошел туда, то невольно залюбовался. Все блистало, сверкало, поражая зрение гаммой тонов, красок.

– Что вам угодно? – подошел к Путилину полный господин.

– Получить от вас некоторые сведения. Я – Путилин, начальник петербургской сыскной полиции.

Управляющий костюмерной вздрогнул и удивленно поглядел на знаменитого, но и «страшного» гостя.

– Вы-с – Путилин?

– Да, я. Разве вы меня знаете?

– Помилуйте, о вас вся Москва говорила, когда вы хлыстов и скопцов изловили, а после иверских святотатцев.

– Так вот, спросить я вас хочу кое о чем.

– Пожалуйте, пожалуйста сюда! Здесь нам никто не помешает. Они вошли в небольшую комнату, где находились под стеклами бутфорские «драгоценности».

– У вас костюмы петровских времен имеются?

– О! – вырвалось горделиво у управляющего. – У нас есть костюмы всех времен.

– Костюм, например, петровского сержанта или капитана.

– Ну, конечно, господин Путилин!

– Скажите, пожалуйста, вы не можете мне достоверно сказать, продавали вы или же отдавали напрокат за последнее время подобный костюм?

Управляющий на секунду задумался, но потом сейчас же хлопнул себя рукой по лбу.

– Совершенно верно. Отдавал и отдаю напрокат.

– Кому?

– Я сейчас погляжу в книгу.

– Пойдите... Я вам опишу приметы его. И Путилин стал описывать их.

– Так... так... – поддакивал управляющий костюмерной.

– Похоже?

– О да! Это он. Нужно вам сказать, что этот господин мне всегда казался большим чудачком. Придет, возьмет напрокат этот костюм, заплатит десять рублей, а наутро обратно его приносит. Теперь время не маскарадное, куда, думаю, ему этот костюм? Раз спросил его: для чего, дескать, он требуется. Господин поглядел на меня странно как-то и ответил: «А вам не все равно?»

– Он брал костюм не каждый день?

– Нет. С перерывами. Дня через два, через три. Я ему опять сказал: да не лучше ли вам купить его? Вы ведь за прокат больше переплатите. Да вот, если вы интересуетесь, господин Путилин, этим человеком, так вы можете его сейчас почти у нас повидать.

– Как так?! – вырвалось у Путилина.

– Он сегодня обещал опять взять костюм.

Сейчас должен быть. Прошло с полчаса. Путилин занимался рассматриванием костюмов. Наконец дверь отворилась, и в костюмерную вошел средних лет человек.

– Костюм, мой! – резко бросил он управляющему.

– Пожалуйста, пожалуйста... Сейчас только пуговицу пришью. Отрываются они часто у вас.

Путилин впился взором в странного посетителя. Длинные волосы, по плечи... Бритый подбородок... Густые брови. Для Путилина достаточно было взглянуть только один раз, чтобы сразу определить, что волосы, усы и брови поддельные.

Таинственный незнакомец тут же, в нише за костюмами, стал переодеваться. Поданную ему треуголку он спрятал под длинный черный плащ, в который задрапировался наглухо.

– Вот вам десять рублей! – небрежно швырнул бумажку на конторку. – Завтра утром.

Глаза его горели. Движения были порывисты, суетливы. Он горделиво кивнул головой и вышел из костюмерной.

– Видели? – рванулся к Путилину управляющий. Сильнейшее любопытство, видимо, одолевало его.

– Видел. Спасибо. До свидания.

И Путилин быстро последовал за черным плащом. Управляющий остался с широко раскрытым ртом.

Глава VII. Последний ужас москвичей. Легенда. Борьба на крыше башни

Я сидел и разговаривал с В., который почти все время дежурил в номере Путилина.

– Я убежден, что дело это настолько темное, что раскрыть его не удастся Ивану Дмитриевичу... – говорил он мне.

Путилин быстро вошел в номер как раз при этих словах.

– Если угодно, господа, еще раз посетить Сухареву башню... Мы вскочили.

– Мне надо еще кое-что осмотреть. Торопитесь. Путилин пошел из номера.

Мы бросились за ним следом.

...Опять эта тьма, этот отвратительный спертый воздух; эта страшная лестница; эти кирпичи, обрушивающиеся под ногами.

И опять это хлопанье совиных крыльев, писк разъяренных крыс.

– Для того, господа, чтобы вы мне не мешали в исследованиях, я должен вас спрятать.

Голос Путилина звучал резко, повелитель-

но. Так всегда он говорил накануне генеральных сражений.

Перед входом с лестницы в комнату-склеп башенки находились две ниши: одна – справа, другая – слева.

– Вы, В., будьте добры стать здесь, а ты, доктор, здесь. Прошу вас хранить, господа, полное молчание. Что бы вы ни увидели, что бы ни услышали, будьте немы, как рыбы.

– А где же вы сами будете, Иван Дмитриевич? – спросил начальник московских сыщиков.

– Тут же, около вас.

Наступила мертвая тишина. Еле заметная полоска лунного света тускло пробивалась через оконце башенки. Обманутые вновь наступившим безмолвием, совы и крысы ворвались в свое мрачное жилище. Сколько времени прошло – я не знаю. Но вдруг протяжный скрип-стон достигнул наших ушей. Я вздрогнул, насторожился, замер. По лестнице кто-то поднимался. Слышалось прерывистое, взволнованное дыхание и тихое бормотание.

– Я здесь опять... здесь мое царство...

Говоря откровенно, я чувствовал себя дале-

ко не спокойно. Я слышал, как билось тревожно-пугливое мое сердце. Около меня, совсем сдавив меня, стоял Путилин. Большая черная фигура быстро прошла мимо нас. Невольно я схватил Путилина за руку.

– Тсс!.. – еле слышно прошептал он. Блеснул слабый огонек крошечного фонаря. Высокий призрак снял с себя плащ-мантию.

Путилин слегка отодвинулся от меня, стараясь ближе придвинуться к комнате-склепу. А то, что там происходило, было действительно странно, необычайно, казалось какой-то грезой, каким-то кошмаром, больной фантазией. Посередине пола на коленях стояла высокая фигура призрака – офицера петровских времен! Он вынимал кирпич за кирпичом и теперь уже громко говорил, говорил... Великий боже, как он говорил! Это был безумный, восторженно-экзальтированный крик, то плачущий, то хохочущий:

*Знаю я башню, знаю одну,
Клад вековечный в ней я найду!
Камень за камнем стану снимать,
Клад драгоценный в недрах ис-*

кать.

Уныло-страшно звучал плачущий напев...

– Найду, найду! Я постиг, я разгадал тебя, Сухарева башня! Я узнал твою заповедную тайну... Ха-ха-ха... Они меня считают безумцем! О проклятые, слепые палачи! Я говорил им, что здесь, в этой вот башне, зарыт клад... Жигули, ай Жигули! Сухаревка, ай Сухаревка!

Безумный человек вскочил. Он хохотал, размахивая руками.

– Я царствую здесь! Эй, совы, крысы, вы мои верные друзья, ко мне на помощь! Прогрызите скорее вашими острыми зубами последние камни, откройте мне клад заповедной башни!..

Машут крыльями совы, злобно визжат крысы.

– И там яхонты, самоцветы, жемчуга белопенны. О-го-го-го!..

Сверлит нож, выбрасывая искры, старые камни старой башни... А безумный голос покрывает шум совиных крыльев, писк крыс, сверлящий звук ножа.

– Был красавец один офицер молодой, офицер молодой, офицер удалой. Полюбил он

красавицу всюю душой, всюю душой до доски
гробовой! Поженились они... А уж скоро же-
на – изменила, проклятая, мужу она!..

*Прежде чем с «милым» своим убе-
жала,
Мужа обкрала и здесь зарывала.
После хотела сокровища взять,
Чтоб с любовником вволю гу-
лять.*

Поет страшный призрак. Нудно, жалостли-
во... Холодный пот выступил у меня на лбу.
Вдруг «призрак» выпрямился, насторожился.
Чего он испугался? Уличный шум еле слышно
донесся сюда в эту старую дряхлую башню.

– А-а?! Караулят меня? Не хотят, чтобы я
достал заповедный клад? О, подлецы, я вас
перехитрю! Я покажусь вам, как страшный
грозный призрак, стерегущий склепы, башни.
Вы побледнеете, вы затрясетесь от ужаса! Ха-
ха-ха-ха!.. Я спасу мое сокровище от вашего
нашествия!

Высокий призрак, «Петр Великий», бросил-
ся к стене. Он продолжал петь безумным го-
лосом свою песню:

*Но муж обманутый не дал гу-
лять:*

*В башне, ах, ночью, стал поджи-
дать.*

*Деньги найду я, что скрыла жена,
И надо мною будет качаться она.*

– Наверху, на болту... Повешу, повешу! – И с обезьяньей ловкостью, точно сомнамбула, призрак стал карабкаться по стене.

Минута – и он достиг окна. Вскарabкался – и через окно выскочил на крышу.

– Ну, теперь пора! – возбужденно проговорил Путилин, выходя из своей засады.

Я еле переводил дух. В. был в таком же состоянии, что и я.

– Видели вашего страшного призрака, коллега? – насмешливо обратился Путилин к В.

– Вы бог сыска, дорогой Иван Дмитриевич! – заплетающимся языком пробормотал тот.

Путилин пошел к стене.

– Ради Бога, И. Д., да неужели ты хочешь лезть за ним? – воскликнул я, страшась за участь моего гениального друга.

– Как видишь... – усмехнулся Путилин и

вскарабкался на стену.

– Но ведь это – безумный риск, Иван Дмитриевич! – поддержал меня В. – Мало ли что может случиться там, на крыше?..

– Что бы ни случилось, я не имею права оставлять безумца на такой огромной высоте. Спускайтесь вниз, голубчик. Берите тех людей, которых я оставил в проезде башни, захватывайте лестницу и сейчас же идите все сюда. Лестницу поставьте у окна. На верхней ступеньке пусть стоит кто-нибудь, в случае, если понадобится подать мне помощь и взять «призрака».

Путилин полез по стене и, подобно страшному «духу» Сухаревой башни, быстро выскок из окна.

Ночь была на редкость светлая, лунная.

И вот тут-то случилось то, что повергло людей в еще больший ужас.

Теперь они увидели на башне не одного, а двух призраков!

Тот, первый призрак, офицер – «Петр Великий», стоял, держась одной рукой о крышу башенки, а другой – подбоченясь. Поза была вызывающе-горделивая. Бледное лицо с безумно

горящими глазами кривила страшная усмешка.

– А, проклятые?! Я, я перед вами! – шептал призрак.

Но второй призрак был в диковину. Он стоял за выступом башенки. Весь в черном, с седыми бакенбардами.

– Господи... Господи, сохрани, помилуй!.. – в ужасе шептали москвичи, случайные зрители страшного видения.

Нога Путилина поскользнулась. Этот легкий шум был услышан «Петром Великим». Он порывисто обернулся и на одно мгновение как бы застыл, замер. Но это было именно только одно мгновение. В ту же секунду яростный вопль бешенства вырвался из груди безумного человека.

– А-а?! Пришел?! Нашел?! Подкараулил?! Ты, злодей, отнявший у меня жену... клад?! Я... я рассчитаюсь с тобой...

И он бросился на Путилина, полный бешенства, ярости. Путилин, сохраняя все свое хладнокровие, вступил в борьбу. Внизу на площади шел испуганный рев голосов.

– Смотрите, смотрите на башню! Что там

делается! Что там делается!

А делалось там действительно нечто страшное: два «призрака», крепко сцепившись, боролись не на живот, а на смерть.

«Петр Великий» стремился сбросить с крыши Путилина.

– Ко мне! На помощь! – прогремел голос изнемогавшего от непосильной борьбы с обезумевшим человеком Путилина.

По лестнице уже карабкались люди во главе с В. И вовремя: еще секунда – и Путилина не стало бы.

Все бросились по скользкой крыше к борющимся и оттащили сумасшедшего, крепко связав его веревками.

– Га-а-а!.. – хрипло вылетали у него бешеные выкрики.

Триумф Путилина был полный.

– Как вы дошли до ключа, И. Д.? – спрашивали мы все великого сыщика.

– По своей кривой, друзья мои. Когда я услышал о привидении на Сухаревой башне, мне вспомнилась легенда о том, что в башне зарыт клад. Осмотр подтвердил мое предположение: в полу и в стене были раскопки. Во-

прос был только в том, кто его домогается. Из числа исчезнувших я остановился на сумасшедшем Яновском. Здоровый человек не стал бы прибегать к такому маскараду. Остальное вы знаете. Большая фантазия помешанною переплела чистую легенду о зарытом кладе с собственной трагедией.

Примечания

Чуйка – долгополая одежда, сходная с кафтаном; здесь – простолюдин

[^^^]

М. Ф. Горон (1847–1933), глава французской сыскальной полиции (в 1877–1894 гг.) прославился своей находчивостью и умением разгадывать самые запутанные преступления.

[^^^]

Очевидно, имеется в виду Г. А. Кушелев-Безбородко (1832–1870), литератор, издатель и меценат.

[^^^]

4

Саддукеи и **фарисеи** – представители религиозно-политического течения в древней Иудее, враждебные Христу. Первые из них отличались фанатизмом и лицемерным исполнением правил благочестия.

[^^^]

5

Ироническое название крестьян, слащаво изображенных в художественной литературе XVIII – нач. XIX вв.

[^^^]

6

Кика – старинный женский головной убор с «рогами».

[^^^]